

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

С. А. ЭКШТУТ

«СЛОГОМ ПРОСТЫМ И ЖИВЫМ» НАГРАДНАЯ ПРАКТИКА ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья представляет опыт осмысления наградной практики времен Великой Отечественной войны. Описывается алгоритм заполнения, оформления и прохождения наградного листа по инстанциям, а также конкретный наградной казус.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, наградной лист, штрафбатн, орден, медаль, фалеристика, человек второго плана в истории, Н.М. Хлебников

*Буду ль жив еще? – Едва ли.
Тут войой, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.
Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое –
Человек пришел с войны.*

Под этими поэтическими строками из поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин» подписались бы сотни тысяч фронтовиков: поэт сумел очень метко выразить чаяния простых труженников Великой Отечественной войны, которые в течение четырех военных лет, не думая о награде, честно делали свое солдатское дело.

Первоначально за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны воинов действующей армии, помимо присвоения высшей степени отличия – звания Героя Советского Союза, награждали тремя орденами – Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и двумя медалями – «За отвагу» и «За боевые заслуги». Право награждения этими орденами и медалями, как и право вручения самих наград в Кремле принадлежало исключительно Президиуму Верховного Совета СССР.

Прохождение через Москву всей наградной документации, идущей с фронта, занимало слишком много времени. Обстановка в действующей армии менялась быстро, отличившиеся и удостоенные орденов и медалей воины зачастую погибали в боях, так и не успев получить свою заслуженную награду. Поэтому в первые же месяцы войны довоенная наградная практика претерпела качественные изменения.

Первоначально, 18 августа 1941 г., когда уже стало ясно, что фашистов не удастся быстро разбить, как пели до войны, «малой кровью, могучим ударом», и что *война будет долгой*, право вручать ордена и медали от имени высшего органа государственной власти получили военные советы фронтов, флотов и отдельных армий; затем, 22 октября 1941-го, *в разгар ожесточенных боев за Москву*, военным советам было предоставлено право самостоятельно награждать отличившихся от имени Президиума Верховного Совета СССР; наконец, 10 ноября 1942 г., *накануне исторического контрнаступления войск Красной Армии под Сталинградом*, право награждения распространилось на командиров корпусов, дивизий, бригад и полков, а затем и на командующих родами войск. Минимальные права были у командира полка, максимальные – у командующего фронтом. Командир полка получил право награждать солдат или сержантов медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», командир бригады или дивизии мог наградить уже не только красноармейца, но и офицера до командира роты включительно, причем не только медалью, но и орденом – Красной Звезды или Славы III степени (последним – только солдат и сержантов). Было учреждено 9 новых боевых орденов, предназначенных для награждения воинов, отличившихся именно в годы Великой Отечественной войны, – от солдата до маршала. Командующим фронтами, флотами и им соответствующим было предоставлено право награждения рядового и командного состава до командира дивизии включительно орденами Красного Знамени, Суворова III степени, Кутузова III степени, Богдана Хмельницкого III степени, Александра Невского, Ушакова II степени, Нахимова II степени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, Славы II и III степени и медалями.

Не обходилось, к сожалению, и без издержек. *«Было чуть ли не правилом, – вспоминал ветеран войны полковник Александр Захарович Лебединцев, – чтобы подчиненный “не переплюнул” командира количеством орденов и медалей. Так и лежали представления до той поры, пока сам командир не получит четвертый или пятый орден»*¹.

Вручал ли командир полка отличившемуся красноармейцу медаль «За отвагу», или командующий фронтом награждал командира дивизии орденом Красного Знамени, подписанию приказа о награждении предшествовало составление и надлежащее оформление наградного листа. Существовала его официально утвержденная форма, которая помимо указания анкетных данных (ФИО, звание, должность, год рождения,

¹ http://militera.lib.ru/memo/russian/lebedintsev_az/index.html

национальность, партийность, участие в боевых действиях, наличие ранений, контузий и наград, постоянный домашний адрес представляемого к награде и адрес его семьи) обязательно предполагала заполнение самого главного раздела «*Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг*». Этот раздел писался, как очень точно сказал поэт Борис Слуцкий, «слогом простым и живым»:

Если ефрейтор Сидоров был ранен в честном бою, / Если никто не видел тот подвиг его благородный, / Лист из блокнота выдрал, фантазию шпора свою, / Писарь писал ему подвиг длиною в лист блокнотный.

В действующей армии ощущался стабильный дефицит печатных бланков наградных документов, поэтому представления к награде нередко писали на обычных листах из школьной тетради или блокнота, в которых под копирку воспроизводились все графы печатного наградного листа. Впрочем, и эти графы не оставались неизменными. В одних наградных листах есть пункт «*Служба в белой и других армиях и пребывание в плену*», в других – его нет. Этот феномен еще ждет объяснения.

Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», размещенный на сайте Министерства обороны РФ, дает наглядную визуальную информация о **12 670 837** награждениях². Мы можем воочию увидеть, как выглядел тот или иной наградной лист, ощутить фактуру низкосортной и грубой сероватой, желтоватой, зеленоватой или розоватой бумаги с вкраплениями древесных опилок; можем понять, как – гладко или не очень, долго или быстро – совершалось его прохождение по армейским инстанциям и, самое главное, когда и к какой награде отличившийся воин представлялся и какую – в конечном итоге – получил. Командармы и командующие фронтами предпочитали подписывать документы не перьевой ручкой (перо плохо скользило по грубой бумаге, чернила – расплывались), а шестигранными цветными карандашами из набора «Тактика». (Константин Симонов в трилогии «Живые и мертвые» обращает внимание читателя на эту выразительную деталь: командарм Серпилин «писал не ручкой, а, по многолетней военной привычке, карандашом и сильно нажимал на карандаш».) И мы можем рассмотреть размашистую подпись того или иного прославленного военачальника, сделанную красным или синим карандашом, реже – зеленым или черным.

² Электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»: <http://podvignaroda.mil.ru/podvig-flash/>
Все наградные листы цитируются по этому источнику.

Полковник А.З. Лебединцев с протокольной точностью описал, как это происходило: «В 1943 году оформление на Геройство и ордена производилось по такой схеме. Описание подвига делалось очевидцами, то есть самими командирами рот (батареи) и батальонов. В полках их оформляли на бланках и за подписью командира полка, потом пересылали в дивизию. В отделении кадров дивизии представления рассматривались, и происходило награждение в объеме прав, предоставленных командиру дивизии, то есть он награждал до командира роты и ему равных до ордена Красной Звезды и ордена Славы III степени. Комдив имел право снизить уровень награды, например, с представленных на орден Красного Знамени или на орден Отечественной войны и своей властью наградить офицера орденом Красной Звезды или даже медалью «За отвагу», ибо командир полка мог награждать медалями только рядовых и сержантов. Приказом командира дивизии награждались медалями также рядовые и сержанты саперного батальона, противотанкового дивизиона, батальона связи и разведроты, командирам которых такое право не предоставлялось. На все вышестоящие ордена и Геройство командир дивизии должен был давать либо свое согласие, либо изменить орден или степень ордена и отправить выше по команде. В армии и на фронте рассматривались все представления и делались заключения двумя лицами – командующим и Членом Военного совета. Они или давали свое согласие или понижали, а иной раз даже повышали статус награды... В дивизии и полки возвращались только выписки из приказов на награжденных тем или иным орденом или медалью в алфавитном порядке по каждой награде, с указанием воинского звания и должности награжденного»³.

После вручения фронтовику самого орденского знака или медали его боевые товарищи обязательно «обмывали» награду. Лебединцев, в то время старший лейтенант, и его однополчанин Кошелев за форсирование Днепра были награждены орденами Отечественной войны. Получив орденские знаки, офицеры «обмыли» свои награды. Вот как это совершилось: «Повар и хозяйка хаты сотворили на обед закуску в виде вареного картофеля, квашеной капусты и сала. Разлили в кружки разведенный спирт, опустили в кружку Кошелева знак и заставили его выпить, после чего он привернул орден к гимнастерке. Таким был негласный фронтовой церемониал посвящения “в рыцари” при получении всех получаемых орденских знаков и медалей».

Следовали ему и генерал, и рядовой...

³ http://militera.lib.ru/memo/russian/lebedintsev_az/index.html

«А вот умирать буду в шинели», или Приказ генерала Хлебникова

Не до ордена.

Была бы Родина

с ежедневными Бородино.

Михаил Кульчицкий. 26 декабря 1942 года.

Всё началось с удивления. Изучая список невручённых наград времён Великой Отечественной войны, подготовленный в рамках специального проекта «Российской газеты» «Звёзды Победы», я обратил внимание на уникальный казус, который нуждался в объяснении. *Красноармейцу* Ивану Петровичу Мангарову, 1916 года рождения, не был своевременно вручён орден Кутузова III степени, которым он был награждён. Чтобы должным образом оценить силу моего изумления, надо знать, что орден Кутузова III степени – и по статуту, и по сложившейся в годы войны реальной наградной практике – был наградой сугубо офицерской, предназначенной для командиров полков, батальонов, рот и начальников штабов полков. Им награждались офицеры от младшего лейтенанта до полковника включительно, хотя были единичные исключения из правил: несколько раз этот орден давали генерал-майорам. В Электронном банке документов «Подвиг Народа» содержится информация о 2091 кавалере: все эти офицеры Красной Армии, чаще всего майоры и подполковники, были награждены орденом Кутузова III степени или – в редких случаях – представлены к нему, но получили другую награду. *Ни одного красноармейца среди них не было.*

Чтобы прояснить этот поразительный случай, я решил обратиться к наградному листу на Ивана Петровича Мангарова. Сказано – сделано. Однако чтение наградного листа на первых порах несколько не приблизило ответу на вопрос, каким образом красноармеец мог получить офицерский орден. Во-первых, в наградном листе Мангаров значился *капитаном*, во-вторых, необычно звучала его должность – *слушатель* 10-го отдельного полка резерва офицерского состава фронта, в-третьих, он представлялся к ордену Красной Звезды, а был удостоен награды *на пять ступеней* выше той, к которой был представлен. Сформировавшееся в годы войны старшинство боевых орденов и медалей, которыми мог быть отмечен офицер до командира полка включительно, выглядело следующим образом: медаль «За боевые заслуги» – медаль «За отвагу» – орден Красной Звезды – орден Отечественной войны II степени – орден Отечественной войны I степени – орден Александра Невского – орден Богдана Хмельницкого III степени – орден Кутузова III степени – орден Суворова III степени – орден Красного Знамени – орден Ленина – звание Героя Советского Союза (с вручением ордена Ленина и медали

«Золотая Звезда»). Наградная практика была такова, что вышестоящее начальство чаще понижало награду на одну-две-три ступени. Замечательный актер, участник войны гвардии старшина Алексей Макарович Смирнов, памятный по фильмам «Операция «Б1» и другие приключения Шурика» и «В бой идут одни «старики», дважды получал награду на две ступени ниже той, к которой был представлен командиром полка: вместо ордена Отечественной войны I степени командир дивизии генерал-майор артиллерии И.Ф. Санько наградил его орденом Красной Звезды, а вместо ордена Красной Звезды дали медаль «За боевые заслуги». Впрочем, наблюдались редкие случаи повышения достоинства награды, но, чтобы награда была повышена на пять ступеней, такого казуса мне, в течение нескольких лет просмотревшему тысячи наградных листов, ни разу не довелось наблюдать. Вот почему я решил заняться исследованием казуса Мангарова.

Ларчик просто открывался. Иван Петрович Мангаров был восстановлен в офицерском звании капитана и направлен в 10-й отдельный полк резерва офицерского состава (опрос) 1-го Прибалтийского фронта после двух лёгких ранений, полученных во время службы в штрафном батальоне. В опрос офицеры попадали разными путями: сразу после окончания училища, либо после тяжелого ранения и долгого лечения в госпиталях, либо после пребывания в проверочно-фильтрационном лагере НКВД, либо после штрафного батальона. Здесь готовили для отправки на фронт офицеров, именовавшихся по примеру военных академий слушателями: в течение года, с марта 1944-го по начало апреля 1945-го, 10-й отдельный полк резерва офицерского состава подготовил к боям и отправил на 1-й Прибалтийский фронт свыше 25 тысяч офицеров. За что угодил в штрафбат командир роты автоматчиков капитан Мангаров, опытный боевой офицер, с декабря 1941 года воевавший на Калининском фронте (20 октября 1943 года переименован в 1-й Прибалтийский), мне выяснить не удалось. Зато удалось установить, что ещё в сентябре 1943 года Мангаров, тогда лейтенант и командир стрелкового взвода, был представлен к медали «За отвагу». В его наградном листе было написано: «Участник всех боёв, проводимых полком. В боях показал себя смелым, отважным и преданным своей Родине командиром. В бою за высоту 175,5 при отражении контратак противника был ранен командир роты, т. Мангаров принял командование ротой и личным примером воодушевляя бойцов – увлёк их за собой к гранатному и рукопашному бою, которого немцы не выдержали и, неся потери, – отошли». 18 сентября 1943-го, спустя всего неделю после подписания командиром полка представления, командир дивизии своей властью

наградила лейтенанта Мангарова медалью «За отвагу», однако по не вполне понятной причине эта награда ему так и не была вручена.

Мангаров был отважным офицером: ему не раз и не два приходилось заменять выбывшего из строя ротного, прежде чем он сам стал командиром роты. В наградном листе описан случай, когда Мангаров во время наступательных боёв «будучи командиром стрелкового взвода, а затем взял командование ротой на себя и отбил две контратаки немца и уничтожил до 30 гитлеровцев». Столь же достойно он вел себя на должности командира роты автоматчиков – на этот пост старались назначать наиболее предприимчивых и мужественных офицеров. «Отразил контратаку противника, а затем перейдя в контратаку захватил 5 немецких солдат». За эти подвиги капитан Мангаров, представленный, как уже говорилось, к ордену Красной Звезды, был удостоен ордена Кутузова III степени. Это награждение было произведено командующим 1-м Прибалтийским фронтом в точном соответствии со статутом ордена Кутузова III степени, которым, в частности, награждали «за инициативу, проявленную в проведении порученного боя и нанесение врагу крупного поражения в результате внезапного и смелого нападения». Я обратил внимание на выразительную деталь: командир полка 14 мая 1945 года представил капитана Мангарова к награде, а уже 17 мая командующий фронтом подписал приказ о награждении. Признаюсь, что я в первый раз столкнулся с такой невероятной скоростью прохождения наградных документов по штабным инстанциям.

В моих руках оказался конец тонкой ниточки. Я осторожно потянул за него – и стал разматывать весь клубок. Кем же был подписан приказ о награждении? Приказ подписали: командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал-полковник артиллерии Николай Михайлович Хлебников, член Военного совета фронта генерал-лейтенант Михаил Васильевич Рудаков и начальник штаба фронта генерал-майор Фёдор Николаевич Бобков. Я был ошеломлён! Дело в том, что ещё 24 февраля 1945-го 1-й Прибалтийский фронт был упразднён, а его войска, преобразованные в Земландскую оперативную группу войск, включены в состав 3-го Белорусского фронта. И 1-м Прибалтийским фронтом, и Земландской группой войск командовал генерал армии Иван Христович Баграмян (с 1955 г. – Маршал Советского Союза). Сразу же после Победы 1-й Прибалтийский фронт был воссоздан, но Баграмяна срочно вызвали в Москву. Вместе с ним полетел генерал-полковник Владимир Васильевич Курасов, начальник штаба фронта. Впоследствии сам маршал Баграмян так написал об этом в своих мемуарах: «С аэродрома я поехал к начальнику Генерального штаба. На мой вопрос о

причине вызова Алексей Иннокентьевич Антонов ответил: – Товарищ Сталин решил обсудить с участием командующих войсками фронтов и начальников центральных управлений Наркомата обороны ряд проблем, связанных с переводом армии на мирное положение»⁴.

Командование 1-м Прибалтийским фронтом второго формирования было возложено на генерал-полковника артиллерии Хлебникова, в годы войны – командующего артиллерией Калининского, 1-го Прибалтийского фронтов и Земландской оперативной группы войск. Начальником штаба фронта стал генерал-майор Бобков, пришедший на штабную работу из военной разведки и в годы войны возглавлявший Оперативное управление штаба фронта. Блестящий артиллерист и великолепный мастер контрбатарейной борьбы генерал Хлебников был *каллифом на час* – и сам он это отлично осознавал. Командование Хлебниковым невоюющим фронтом было столь кратковременным, что даже не нашло никакого отображения в его официальной биографии, опубликованной в энциклопедиях, словарях и справочниках. Уже спустя месяц, во время Парада Победы 24 июня 1945 года, во главе сводного полка Первого Прибалтийского фронта маршировал генерал армии Баграмян. 9 июля 1945 года был вновь создан Прибалтийский военный округ: на формирование управления округа было обращено управление 1-го Прибалтийского фронта, причем Баграмян стал командующим войсками ПриБВО, Хлебников – командующим артиллерией округа.

Как же распорядился генерал Хлебников своими новыми властными полномочиями? Он незамедлительно скомандовал срочно подготовить наградные листы на офицеров – слушателей 10-го отдельного полка резерва офицерского состава фронта. Жизнь и судьба многих из них не отличались ни прямызнюй, ни безоблачностью: кто-то попал в опрос после плена, нахождения на оккупированной территории и пребывания в проверочно-фильтрационном лагере НКВД, кто-то – после штрафного батальона, кто-то – после многомесячных скитаний по госпиталям. Вот почему у многих слушателей, воевавших с первых дней войны, не было ни одной боевой награды⁵.

⁴ Баграмян 1997. С. 594.

⁵ «В ноябре 1943 года минуло два года, как я непрерывно находился в Действующей армии, но на груди у меня еще не было никаких наград, – с досадой вспоминал сходную ситуацию ветеран войны А.З. Лебединцев. – ...Строго говоря, меня могли бы наградить только за то, что я уже два года был на фронте и меня еще не убили» (http://militera.lib.ru/memo/russian/lebedintsev_az/index.html). Сравни размышления профессора Олега Юдина, героя некогда очень популярного романа Александра Крона «Бессонница» (1977): «К концу войны я был полковником, четы-

Генерал Хлебников решил исправить это непростительное упущение, в полной мере используя власть командующего фронтом: если командир полка представлял своих слушателей, как правило, к ордену Красной Звезды, то командующий фронтом был более щедр, постоянно повышая на несколько ступеней достоинство награды. Видимо, полностью исчерпав запас имевшихся в штабе фронта орденов и медалей, он отметил боевые заслуги слушателей и красноармейцев полка всеми орденами и медалями, которыми мог наградить своей властью – от медали «За боевые заслуги» до ордена Красного Знамени, не исключая орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого III степени и ордена Александра Невского. Орден Красного Знамени получили 7 офицеров, Суворова III степени – один человек, Кутузова III степени – 8, Богдана Хмельницкого III степени – 20 человек, из них один рядовой; Александра Невского – 4 офицера, из них три человека принадлежали к командному составу полка; Отечественной войны I степени – 13, Отечественной войны II степени – 45, Красной Звезды – 109 солдат и офицеров полка, Славы III степени – 17 солдат и сержантов полка, медаль «За отвагу» – 13, медаль «За боевые заслуги» – 16 бойцов полка. Действия генерал-полковника артиллерии были основаны на точном математическом расчёте: Хлебников прекрасно понимал, что в эти победные майские дни, до краёв переполненные всеобщим восторгом, никто не поставит ему в вину этот приказ о награждении.

Николай Михайлович Хлебников был человеком первого часа войны, блистательно воевавшим от начала и до конца Великой Отечественной, о чём неопровержимо свидетельствовали его награды: звание Героя Советского Союза, два полководческих ордена Суворова I степени, ордена Кутузова I и Суворова II степени. Хлебников служил в артиллерии еще в Первую мировую, во время Гражданской войны командовал артиллерийским дивизионом в легендарной 25-й Чапаевской дивизии, в 1920 г. был удостоен ордена Красного Знамени. Большой террор не прошёл мимо него: краснознаменец Хлебников был арестован в 1938-м и выпущен в 1939 г. Кажется, жизнь должна была научить его

режды орденосцем и главным хирургом фронта. Сказалось ли на моих успехах неожиданное благоволение высокого начальства? В то время сама постановка вопроса показалась бы мне оскорбительной. Сегодня я смотрю трезвее. *Не в моем характере что-либо выпрашивать, но если вспомнить, сколько боевых заслуг и даже настоящих подвигов в сутолоке военных будней остаются незамеченными и неотмеченными, то надо признать – мне везло, я всегда был в поле зрения!* (курсив мой. – С.Э.) // <http://www.litmir.me/br/?b=48670&p=39>. В годы войны А.А. Крон служил на Балтийском флоте и реальную наградную практику той поры знал не понаслышке.

осторожности. Ничуть не бывало. В недоброй памяти для судеб офицерского корпуса Вооружённых Сил 1960 году, когда Н.С. Хрущёв объявил о предстоящем сокращении армии и флота на 1 миллион 200 тысяч человек, голословно изрёкши, что с появлением ракет исчезает прежняя нужда армии в авиации, артиллерии и даже танках, генерал-полковник артиллерии Хлебников не стал безропотно воспринимать эти безграмотные разглагольствования «кукурузника» – и за свою строптивость незамедлительно был отправлен в отставку.

Пройдут годы, и, когда Николай Михайлович будет праздновать 70-летний юбилей, один из его друзей порадует за генерала: «Дивлюсь: сколько раз ты рисковал жизнью, а счастье тебе не изменило. Видно, в сорочке родился. – Не знаю, в сорочке или без нее, – отозвался генерал, – а вот умирать буду в шинели». Артиллерия стала судьбой этого мужественного и невозмутимого человека: «Иногда я думаю: почему, мечтая с мальчишеских лет о профессии инженера, стал военным, артиллеристом? Случайное стечение жизненных обстоятельств? Нет! Повлияли на мой выбор и рассказы отца, служившего в артиллерии, и, конечно же, юность, проведенная на войне. Однако главная причина в другом – в математике, в том, что прирожденную склонность к решению сложных математических задач я смог применить именно в артиллерийском деле. Обычно математика представлял таким “сухарем” – черный костюм, очки, чинная аудитория, доска, исписанная формулами. А в артиллерии совсем иная фигура: сильная, подвижная, в выгоревшей на солнце гимнастерке, в низко надвинутой на лоб фуражке, из-под козырька которой глядят по-ястребиному зоркие глаза. Это командир артиллерийской батареи. На скате высоты, в окопчике, под жестокой бомбежкой и артобстрелом, он тоже оперирует математическими формулами, он готовит данные для стрельбы. И от того, насколько быстро и точно он их подготовит, зачастую зависит успех всего боя. Тут не место для слабонервных, и близкий разрыв тяжелого снаряда не помешает комбату в его расчетах. Он вовремя подаст команду, огнем своей батареи подавит вражескую батарею и выиграет дуэль у неприятеля потому, что он не только хороший математик, но и хладнокровный, отважный человек»⁶.

Кого же наградила генерал-полковник артиллерии Хлебников?

Капитан Иван Алексеевич Крупенников, 1910 года рождения, командир стрелкового батальона, воевал с 3 июля 1941 года, принял участие в тяжёлых боях и *пять раз был ранен*. Наград, судя по наградному

⁶ Хлебников 1974. С. 3.

листу, отважный комбат не имел: ни сам капитан, ни тот, кто оформлял его наградные документы, не знали, что 31 октября 1944 года Крупеников был награждён орденом Отечественной войны I степени, знак которого ему не был вручён, ибо комбат был тяжело ранен и попал в госпиталь, после долгого излечения в котором направлен в опрос. Вчитаемся в текст наградного листа. «Ранен 14 ноября 1941 г. при обороне батальоном г. Вязьмы, отбив при этом 5 контратак противника и только после отражения контратак противника покинул поле боя. Вторично ранен при освобождении г. Ржева, будучи ранен продолжал командовать батальоном... В третий раз ранен 29 сентября 1942 г. При наступлении на железнодорожную станцию Сычевка...». Командир 10-го отдельного полка резерва офицерского состава, заполняя в течение короткого промежутка времени множество наградных листов, невольно допустил неточность, что было вполне объяснимо: прошло уже несколько лет после описываемых событий. 14 ноября 1941 года никакой обороны Вязьмы быть не могло. Вязьму немцы взяли 7 октября и замкнули кольцо чуть восточнее ее, а 14 ноября были уже восточнее линии Волоколамск – Можайск (и 15-го перешли с нее в наступление, в ходе которого, в частности, произошел бой у разъезда Дубосеково). Наступление 29 сентября 1942 года на Сычевку – это громко сказано: в те дни умирала естественной смертью 1-я Ржевско-Сычевская операция (начатая 30 июля и формально вообще «законченная» в августе), и активные действия велись лишь на Ржевском направлении (севернее Ржева), а на Сычевском (западнее реки Вазузы) – разве что бои местного значения. Вот 25 ноября начали 2-ю Ржевско-Сычевскую операцию («Марс») – тогда другое дело. Но наградной лист очень точно передаёт суть тех давних событий. У Александра Твардовского есть пронзительное стихотворение «Я убит подо Ржевом...»; оно посвящено погибшим боевым товарищам капитана Крупеникова, награждённого по приказу Хлебникова орденом Красного Знамени.

*Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва
И не видел той вспышки, -
Точно в пропасть с обрыва -
И ни дна, ни покрывки.
И во всем этом мире
До конца его дней -*

*Ни петлички,
Ни лычки
С гимнастерки моей.*

Капитан Николай Григорьевич Черенков, 1911 года рождения, командир стрелкового батальона, воевал с 8 июля 1941 г. и *четыре раза был ранен*, но никаких наград не имел – ни орденов, ни медалей. «Ранен 1 октября 1941 года при наступлении на станцию Синявино Ленинградского фронта... при отражении наступления противника им было отражено 3 контратаки противника и удержан занятый рубеж до подхода своих частей». Вторично капитан Черенков был ранен 1 января 1943 г. во время наступления на Великие Луки, когда он, заменив выбывшего из строя командира батальона, руководил уличным боем, овладел тремя городскими кварталами Великих Лук и выполнил поставленную задачу. «Только после выполнения задачи убыл в госпиталь». Командир полка представил Черенкова к ордену Красной Звезды, а командующий фронтом генерал Хлебников наградил его очень редким для комбата орденом Суворова III степени, *повысив награду на шесть ступеней*.

Капитан Федор Арсентьевич Емельянов, 1918 года рождения, воевал с июня 1941 года, *четыре раза был ранен и один раз контужен*, но наград не имел. Во время наступательных боев под городом Рига Емельянов заменил выбывшего по ранению командира батальона, принял командование на себя и продолжал вести бой. «В этом бою батальоном было уничтожено 3 немецких танка и более 50 немецких солдат». Емельянов был в четвертый раз ранен, но покинул поле боя только после выполнения батальоном боевой задачи. Командир полка представил капитана к ордену Отечественной войны II степени, генерал Хлебников наградил его орденом Кутузова III степени, *повысив награду на четыре ступени*. Однако эту офицерскую награду Емельянов, уже ставший майором, получил лишь в июне 1949 года: в один день ему вручили сразу три ордена – Кутузова III степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды. Двух последних наград майор Емельянов был удостоен соответственно в 1943-м и 1944-м годах, но из-за ранений не смог их своевременно получить.

Лейтенант Алешин Николай Иванович, 1923 года рождения, беспрерывно воевал с июля 1942 года, временно командовал ротой, дважды был ранен, но наград не имел. «20 июля 1944 года при форсировании реки Свипра в районе населенного пункта Козловка товарищ Алешин с принятой им ротой первым форсировал реку и занял плацдарм на противоположном берегу реки, захватив населенный пункт Козловка. Неподходящие для форсирования противником контратаки при поддержке

танков были отбиты с большими потерями в живой силе и технике противника – подбито 4 танка, уничтожено до взвода пехоты. 24 июля 1944 года при общем наступлении с занятого плацдарма, при занятии населенного пункта был ранен в левую руку и грудную клетку». Представленный к ордену Красной Звезды лейтенант Алешин получил награду *на четыре ступени выше* – орден Богдана Хмельницкого III степени.

Младший лейтенант Башкалов Пётр Алексеевич, 1907 года рождения, воевал с 20 января 1942 года, командовал стрелковым взводом, дважды был ранен, наград не имел. «При наступлении в районе высоты Зайцева Гора Смоленской области 25.12.42 г. первым ворвался в траншею противника, уничтожил 2-х ручных пулеметчиков противника и, преследуя группу немцев, занял высоту. И будучи раненым находился с подразделением до подхода соседней роты. Вторично был ранен 20.02.43 г., наступая в составе 270 стрелкового полка, личным примером увлёк в атаку взвод и, ворвавшись в траншею противника, уничтожил до 10 гитлеровцев». Представленный к ордену Красной Звезды младший лейтенант Башкалов получил награду *на три ступени выше* – орден Александра Невского.

Приведенных примеров достаточно, чтобы наглядно представить себе, кого именно решил наградить генерал-полковник артиллерии Хлебников. Можно предположить, что Верховный Главнокомандующий был проинформирован о нетривиальном генеральском приказе и отнёсся к нему одобрительно. Прошло несколько недель, и генерал Хлебников стал участником Парада Победы, после которого в Кремле был дан приём в честь полководцев и военачальников.

«На приеме был произнесен тост за советских артиллеристов, за командующего артиллерией Советской Армии и его заместителей, за командующих артиллерией фронтов. Мы подошли к столу, где сидели руководители партии и правительства, представились по очереди Верховному Главнокомандующему. Признаюсь, я очень волновался.

— Здравствуйте, товарищ Хлебников, – просто и сердечно сказал Сталин. – Позвольте лично поздравить вас с победой. Что вам налить?

Неожиданно для себя я ответил:

— Водочки, товарищ Сталин!

Он улыбнулся:

— Водочки-то у меня нет. Только вино. Придется одолжить у Михаила Ивановича Калинина.

И, обратясь к сидящему рядом Калинин, сказал:

— Налей, пожалуйста, артиллеристу, Михаил Иванович.

Михаил Иванович налил мне бокал, а Иосиф Виссарионович продолжал: — Как это ваши молодцы-артиллеристы ее пьют... Чиста, говорят, как слеза божьей матери, крепка, как Советская власть, — так ведь?

— Вы и это знаете, товарищ Сталин?

Он кивнул: — Знаю. Положено знать. Молодцы они, наши солдаты, — негромко добавил он. — Твердый народ. Давайте выпьем за них, за ваших артиллеристов, и за ваше здоровье!

Я был растроган⁷.

Спустя короткий промежуток времени в Генеральном штабе состоялся банкет для полководцев и военачальников, на который был приглашён Верховный Главнокомандующий. Сталин приглашение принял, но, хотя сидел за одним столом с маршалом Жуковым, не произнёс здравицы в его честь. Маршалам это показалось странным, и во время перекура они предложили Георгию Константиновичу самому взять слово, обещая его поддержать и напомнить Хозяину о его заслугах.

«Жуков свое выступление-тост начал примерно так: “Если бы меня спросили: когда за всю войну мне было тяжелее всего, то я бы ответил, что осенью и зимой при обороне Москвы, когда практически решалась судьба Советского Союза”. Выслушав молча эту тираду Жукова, Сталин внезапно оборвал его словами: “Вот вы, товарищ Жуков, вспомнили оборону Москвы. Правильно, что это было очень трудное время. Это была первая победоносная битва нашей армии при защите столицы. А Вы знаете, что многие ее защитники, даже генералы, получившие ранения и отличившиеся в боях, оказались не отмеченными наградами и могут не получить их, т.к. стали инвалидами!” На этот упрек Жуков ответил так: “Товарищ Сталин, я, как и Вы, тоже не отмечен наградами за эту битву, хотя почти все работники Генерального Штаба награждены орденами Ленина (Шапошников, Антонов, Ватутин, Штеменко и др.). Вполне допускаю, что мною допущен в этом деле просчет, и мы поправим это”. Тут Сталин ударил кулаком по столу так сильно, что хрустальная ножка высокого фужера обломилась и красное вино пролилось на скатерть. Вождь, перебивая Жукова, сказал: “А вместе с тем вы не забыли наградить своих бл...ей”. Наступила гробовая тишина, в ходе которой Сталин поднялся, удалился из-за стола и больше не вернулся»⁸.

⁷ Хлебников 1974. С. 374.

⁸ http://militera.lib.ru/memo/russian/lebedintsev_az/index.html Можно предположить, что Верховный Главнокомандующий, в частности, имел в виду личную медсестру маршала старшего лейтенанта медицинской службы Лидию Владимировну Захарову, награждённую орденами Красного Знамени, Красной Звезды и

Казус, или Из «Катюши» – по танкам!

Принято считать, что легендарная «Катюша» *никогда* не применялась, да и в принципе не могла применяться против немецких танков. «Катюша» – система залпового огня, т.е. площадное оружие низкой точности с большим разбросом снарядов по местности. Если обратиться к изданной в 1942 г. брошюре «Таблицы стрельбы реактивными снарядами М-13», то из этого официального наставления следует, что при дальности стрельбы 3000 м отклонение по дальности составляло 257 м, а боковое – 51 м. Для меньших расстояний отклонение по дальности в «Таблицах» вообще не приводилось, т.к. рассеивание снарядов не поддавалось расчету⁹. Вероятность попадания реактивного снаряда в танк на такой дистанции сочли недостаточной, поэтому был сделан решительный вывод: из-за огромного рассеивания стрельба по танкам малоэффективна. Если же теоретически представить, что боевая машина как-то ухитрилась выстрелить в танк в упор, то и тут дульная скорость 132-мм снаряда составляла всего 70 м/с, что явно недостаточно, чтобы пробить броню «Тигра» или «Пантеры». Однако реальная боевая практика оказалась богаче этих якобы безусловно логичных и якобы абсолютно безошибочных теоретических рассуждений.

Во время Донбасской стратегической операции 1943 года, которая проводилась войсками Юго-Западного и Южного фронтов Красной Армии с целью освобождения Донецкого угольного бассейна, немцы, стремясь переломить ситуацию и остановить советское наступление, стали срочно перебрасывать танковые дивизии с менее активных участков фронта, сосредоточивать их у основания клина наступающих частей Красной Армии и бросать эти танковые дивизии при поддержке пехоты в контрнаступление¹⁰. 31.08–02.09.1943 противник силами 3-й горнострелковой и 17-й танковой дивизий¹¹ нанес контрудар в районе Кутей-

медалью «За боевые заслуги», а всего имевшую к концу войны десять боевых орденов и медалей, включая три иностранных награды.

⁹ Широкоград 2008.

¹⁰ «Но все эти меры были уже запоздалыми. Они не могли спасти противника от разгрома на “Миусфронте”. Нам удалось вскрыть перегруппировку его глубоких оперативных резервов и подготовить им надлежащую встречу» (Бирюзов 1961. С. 183). В это время генерал С.С. Бирюзов (с 1955 г. – Маршал Советского Союза) был начальником штаба Южного фронта.

¹¹ В июле 1943 года, во время боев под Курском (непосредственно в этом сражении 17-я танковая дивизия не участвовала, находясь в резерве 24-го танкового корпуса) насчитывалось 4 Pz.II, 29 Pz.III, 32 Pz.IV и 2 трофейных советских Т-34. Pz.II - это легкий танк, а Pz.III и Pz.IV - средние.

никово – Покрово-Киреевка (Амросиевский район Донецкой области)¹². В первый же день нанесения этого контрудара он был удачно парирован бесстрашными действиями солдат и офицеров 23-го гвардейского Краснознаменного минометного полка, который поддерживал наступления 13-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии Южного фронта. Полком командовал 29-летний гвардии майор Тимофей Иванович Шанкин, воевавший с 22 июня 1941 года. Выполняя боевую задачу и стремясь любой ценой остановить контратакующих немцев, «Катюши» его полка прямой наводкой стреляли по наступающим немецким танкам¹³. По итогам этого боя командир полка представил к награждению орденом Красной Звезды трех своих гвардейцев: ефрейтора Александра Даниловича Ермилова, старшего сержанта Николая Сергеевича Левина и лейтенанта Эдуарда Анатольевича Трахтенгерца.

«31.8.43 при поддержке частей 13 гвардейского стрелкового корпуса в районе с. Ольгинская водитель боевой машины т. Ермилов при отражении контратаки танков и пехоты противника с открытой боевой позиции при стрельбе прямой наводкой исправил электрооборудование боевой машины при обстреле танков противника. Благодаря умелым и хладнокровным действиям он обеспечил своевременный залп, контратака была отбита и подбито 3 танка противника».

«31.8.43 г. в районе деревни Павловка дивизион поддерживал 3 стрелковую дивизию. В 17.00 25 танков и пехота противника неожиданно атаковали нашу пехоту и вырвались на скаты высоты, что западнее хутора Донецкий. Создалось критическое положение. Танки подходили к огненным позициям, на которых стояли боевые машины. Противник подверг сильному орудиному обстрелу наши огневые.

¹² Немцы пытались вбить клин в стык между наступающими войсками 3-й и 87-й гвардейских дивизий: первая организационно входила в состав 13-го гвардейского корпуса, вторая подчинялась непосредственно командованию 2-й гвардейской армии Южного фронта. В течение четырёх суток противник 12 раз контратаковал наступающие части 3-й гвардейской стрелковой дивизии. Хотя дивизия была сильно ослаблена в предшествующих боях, потеряв в них 4 тысячи человек, все контратаки противника были отбиты.

¹³ Полк, отличившийся еще во время боев за Сталинград, имел опыт борьбы с немецкими танками. «Полк под командования майора Шанкина с 31 июля по 2 августа 1943 г. отразил 12 атак танков и пехоты противника, сжег и подбил 9 танков, среди них один «Тигр», уничтожил до 600 солдат и офицеров». 13 сентября 1943 г. приказом командующего артиллерией Южного фронта гвардии майор Шанкин был награжден орденом Александра Невского. Он получил первоначальный, редкий вариант ордена – «подвесной»: орденский знак еще не имел винта и прижимной гайки, а крепился к прямоугольной подвесной колодке с прижимной гайкой на ней.

Помощник командира огневого взвода гвардии старший сержант Левин, несмотря на сплошные разрывы снарядов, подошел к установке, навел основное орудие на цель и открыл огонь по прорвавшейся группировке противника. В результате точного и мощного залпа атака была отбита, атакующие танки рассеяны, уничтожено свыше взвода пехоты и автоматчиков противника».

«31.8.43 при поддержке частей 13 гвардейского стрелкового корпуса батарея, где командиром огневого взвода т. Трахтенгерц, получила задачу отбить контратаку противника в районе села Павловка – пехота до батальона при поддержке 17 танков. Установки взвода были выведены на открытую огневую позицию. Под обстрелом со стороны танков противника взвод дал залп по вражеской пехоте и танкам, проявив исключительную выдержку командира и всего личного состава. В результате залпа уничтожено более 30 солдат и подбито 5 танков противника».

Гвардии майор Шанкин, взяв руки коричневый карандаш из набора «Тактика», размашисто подписал эти наградные листы лишь 4 октября 1943 г. Отчасти такая неспешность объясняется тяжелыми боями, которые вел полк в течение полутора месяцев, отчасти тем, что Шанкин относился к числу тех командиров, которые ревниво следили за тем, чтобы у подчиненных не было орденов больше, чем у них, и которые представляли подчиненных к награде лишь после того, как сами её получают от вышестоящего командования. Но как только майору Шанкину, уже имевшему два ордена Красного Знамени, вручили орден Александра Невского, он, став трижды орденосцем, незамедлительно подписал наградные листы на трех своих гвардейцев. Однако время было упущено, и подвиг ефрейтора, старшего сержанта и лейтенанта, прямой наводкой стрелявших из «Катюш» по немецким танкам, уже не выглядел необыкновенным. Их боевой опыт не был своевременно осмыслен и должным образом оценен¹⁴. Достоинство награды было снижено. 17 ноября 1943 г. всех троих вместо ордена Красной Звезды приказом командующего артиллерией фронта наградили медалями «За отвагу».

Все герои этой истории дожили до Победы. Полное название части, в которой они служили, в конце Великой Отечественной войны

¹⁴ «Боевая практика показала, что стрельба “Катюш” по вражеским танкам не является занятием безнадежным. С танков сметало десант, заклинивало башни, выходила из строя ходовая часть. Осколки нередко пробивали запасные баки, вызывая пожар. Даже самое безобидное для танкового “железа” прямое попадание “в лоб” приводило к контузии членов экипажа» (Филистович 2011). Полковник Дмитрий Васильевич Филистович – начальник кафедры боевого применения артиллерии Военного факультета в Белорусском государственном университете.

звучало так: *23-й гвардейский минометный Севастопольский Краснознаменный, орденов Богдана Хмельницкого II степени, Суворова III степени, Кутузова III степени и Александра Невского полк*. Грудь подполковника Шанкина украшали семь орденов: три ордена Красного Знамени, орден Александра Невского и три ордена Отечественной войны I степени. Впрочем, его душа алкала иного. После Победы он признался офицерам полка: «Как было бы хорошо, если бы товарищ Сталин, который уже восстановил в армии погоны и гвардейское звание, ввел бы еще в стране и звание графа. Представляете, как звучно бы это звучало – командир полка гвардии подполковник граф Шанкин?!» После войны он продолжил служить в армии, стал полковником, удостоился еще трех орденов, но «его сиятельством графом Шанкиным» так и не стал. Когда ветераны полка решили на юбилей Победы встретиться в Севастополе, то бывшего командира полка, десятикратного орденоносца, своего «батю», они на эту встречу однополчан не пригласили. «Тут ни убавить, ни прибавить...»

Эту историю мне рассказал мой тесть – гвардии полковник, главный научный сотрудник Института проблем управления РАН, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Эдуард Анатольевич Трахтенгерц – один из создателей современной теории систем поддержки принятия решений. Он, девятнадцатилетний гвардии лейтенант, измотанный тяжелым полуторамесячным наступлением, на марше встретился со знакомыми связистками: девушки-связистки любили слушать рассказы интеллигентного москвича с Большой Бронной, который часами мог декламировать им стихи или пересказывать содержание любимых книг. Лейтенант стал рассказывать о событиях последних дней, но неожиданно был прерван возмущенными девушками: «Эдик! Как ты можешь? Мы-то думали, что ты не такой, как все, что ты и слов-то таких не знаешь, что ты никогда не ругаешься?» – «А я и не ругался, – резюмировал спустя семьдесят лет Эдуард Анатольевич, беседуя со мной. – Я просто рассказывал им о бое “Катюш” с немецкими танками».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баграмян И.Х. Так шли мы к Победе. М.: Воениздат, 1997. (Военные мемуары).
Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. М.: Воениздат, 1961.
Филистович Д. «Катюши» против танков // «Во славу Родины»: Белорусская военная газета // <http://vsr.mil.by/2011/09/15/katyushi-protiv-tankov/>
Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. М.: Воениздат, 1974. С. 3 (Военные мемуары).
Широкопад А. «Лука» и «Катюша» против «Ванюши» // Независимое военное обозрение // http://nvo.ng.ru/history/2008-06-20/12_katusha.html

REFERENCES

- Bagramyan I.Kh. Tak shli my k Pobede. M.: Voenizdat, 1997. (Voennye memuary).
Biryuzov S.S. Kogda gremeli pushki. M.: Voenizdat, 1961.
Filistovich D. «Katyushi» protiv tankov // «Vo slavu Rodiny»: Belorusskaya voen-naya gazeta // <http://vsr.mil.by/2011/09/15/katyushi-protiv-tankov/>
Khlebnikov N.M. Pod grokhot soten batarei. M.: Voenizdat, 1974. S. 3 (Voennye memuary).
Shirokorad A. «Luka» i «Katyusha» protiv «Vanyushi» // Nezavisimoe voennoe obozrenie // http://nvo.ng.ru/history/2008-06-20/12_katusha.html
Jum D. Estestvennaja istorija religii. Dialogi o estestvennoj religii. O bessmer-tii dushi. O samoubijstve: Per. s angl. Jur'ev: Tip. Je. Bergmana, 1909. 178 s.

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; semekshut54@gmail.com

“In style plain and vivid”: Practice of award granting during the Great Patriotic War.

The article presents the results of the analysis of the award granting practice of the period of the Great patriotic War. The author reconstructs the algorithm of the filling-in, and registration of a award paper, and its passage through numerous official institutions. A case study is also presented.

Keywords: Great Patriotic War, award paper, penal battalion, order, phaleristics, a secondary role in history, N.M. Khlebnikov.

Semen Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), leading researcher of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semekshut54@gmail.com